

Утопический социализм в РОССИИ

Хрестоматия

Москва
Издательство
политической
литературы
1985

**ЗАКОН ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА
И ЗАДАЧИ СОЦИАЛИЗМА В РОССИИ¹**

[...] Посмотрим же, к чему обязывает нас учение Маркса², тем более, что это будет очень полезно нам ввиду необходимости установить исходные пункты нашей программы.

Общество не может перескочить через естественные фазы «своего развития, когда оно напало на след естественного закона», говорит Маркс³. Значит, покуда общество не напало еще на след этого закона, обуславливаемая этим последним смена экономических фазисов для него необязательна.

Естественно возникает вопрос: когда же западноевропейские общества — служившие объектом наблюдения для Маркса — напали на этот роковой след? [...]

Самый серьезный кризис западноевропейские общества пережили именно тогда, когда разрушение общины видоизменило тип земельных отношений в народе. Чем обусловилось падение западноевропейской общины — для нас теперь не важно; мы констатируем только факт замещения индивидуализмом общинного принципа. Постепенно развиваясь, индивидуализм, по внутренней необходимости, должен был подкопать феодализм с помощью нарождавшегося капитала, научных открытий и изобретений.

Феодализм, действительно, пал под соединенными ударами своих могучих противников; но не надо забывать, что «дух», сообщивший этому движению жизнь, одушевлявший эти открытия, — был дух личности, индивидуализма... Этот принцип нашел свое политическое воплощение и произвел общественные потрясения — американскую революцию и французский переворот (Дрепэр⁴). Войдя всецело в жизнь западноевропейских народов, пропитавши собой все взаимные отношения людей, он, естественно, мог погибнуть только вследствие в нем самом заключавшихся противоречий; эти последние могли выказаться во всей своей силе только в капиталистической продукции⁵. Сплачивая большие массы рабочих на фабриках, создавая общие им всем интересы, приучая их к той «социализации труда», на которую указывает Маркс, одним словом, воспитывая в людях социальные привычки, которые были забиты со времени падения общины, индивидуализм рыл сам себе могилу, и нет ничего удивительного в том, что социализм встречает такой радужный прием в местностях крупного машинного производства. Понят-

но поэтому все значение капитализма — этой крайней формы воплощения индивидуализма — в деле приготовления умов рабочих масс к восприятию социалистических учений. В обществе, построенном на принципе индивидуализма, но в котором не существует социализации труда на фабриках и крупная промышленность не создает общих интересов рабочих масс, социализм необходимо должен был встретить гораздо более холодный прием. Различные социалистические «утопии» появлялись и в средние века, но тогда социализм был исповедуем отдельными личностями, в лучших случаях создавал религиозно-коммунистические секты; массовым же движением он стал только теперь, в классическое время капитализма, когда самую технику производства люди обязываются к коллективизму; владеть и работать машиной одному нет никакой возможности, и рабочие должны владеть ею сообща, если не желают оставаться в вечной зависимости от фабриканта.

Теперь нам понятно, почему западноевропейские общества не могли ни «перескочить через естественные фазы своего развития, ни изменить их помощью декрета»⁶. Общественные привычки не могут быть изменены указом, точно так же, как не могут делать скачков. Изменение их обусловливается постепенным накоплением самых незначительных видоизменений.

Нам понятна также роль капитализма в деле постепенного сплочения рабочих масс. На Западе он, действительно, был естественным предшественником социализма; но мы полагаем, что ход развития социализма на Западе был бы совершенно иной, если бы община не пала там преждевременно. Сам принцип общественного землевладения не носит в себе того неизгладимого противоречия, каким страдает, положим, индивидуализм, поэтому он не носит в себе самом элементов своей гибели. Нам могут сказать, что противоречие принципа первобытной общины заключалось в том, что дальше своих пределов она ничего не видела, что она конкурировала со всеми другими общинами. Но мы возразим, что это было скорее в родовом, чем в первобытном общинном быте. Чтобы недалеко ходить за примером, мы укажем хоть на донских казаков, у которых земля находится во владении отдельных общин, но каждый член их считается вместе с тем членом всей казацкой области; поэтому он может переходить из общины в общину, в каждой из них имея право на надел. И такая земельная и областная федерация общин мыслима в любой стране, где общинный принцип не искажен противоположными ему влияниями. Точно так же возможность общинной обработки земли доказывается тем, что, даже при теперешних условиях, эта общинная обработка существует в некоторых отдельных общинах. [...] Итак, в принципе первобытной общины, как она существует, положим в России, мы не видим никаких противоречий, которые осуждали бы ее на гибель.

Поэтому, пока за земельную общину держится большинство нашего крестьянства, мы не можем считать наше отечество ступившим на путь того закона, по которому капиталистическая про-

дукция была бы необходимою станцією на пути его прогресса. Тенденция этого закона будет заключаться, напротив, в понижении уровня социальных чувств нашего народа, между тем, как на Западе он был когда-то явлением действительно прогрессивным.

Откуда же эта разница в оценке значения одной и той же формы кооперации? — спросит, быть может, читатель. [...] Но вопрос идет не о том, хороша или дурна форма капиталистической продукции сама по себе, а о том, какую форму кооперации она заменила собою. Если замененная ею форма общезжития была низшего типа сравнительно с нею — общество прогрессировало; если же капитализм водворился в обществе, построенном на более справедливом принципе, — в общественном развитии был сделан попятный шаг. [...]

Никакая «социализация труда» на фабриках не вознаграждает того положительного упадка социальных чувств и привычек, который произойдет вследствие этого радикального изменения в отношениях народных масс к их главному орудию труда — земле.

Вообще история вовсе не есть однообразный механический процесс. Да и сам Карл Маркс не принадлежит, сколько нам известно, к числу людей, охотно укладывающих человечество на прокрустово ложе «общих законов». Возражая Мальтусу по поводу его «Опыта о народонаселении», он говорит, что абстрактные законы размножения существуют только для животных и растений⁷. Было бы очень непоследовательно с его стороны отрицать существование «абстрактных законов» в вопросе о размножении человечества и признавать их в несравненно более сложных и запутанных явлениях развития человеческих обществ. Выражаясь строже, надо сказать, что общие законы социальной динамики существуют, но, переплетаясь и комбинируясь различно в различных обществах, они дают совершенно несходные результаты точно так же, как одни и те же законы тяготения дают в одном случае эллиптическую орбиту планеты, в другом — параболическую орбиту кометы.

Итак, мы не видим основательности в тех соображениях, в силу которых заключают, что Россия *не может* миновать капиталистической продукции. Поэтому социалистическую агитацию в России мы не можем считать преждевременной. Напротив, мы думаем, что теперь она своевременнее, чем когда-либо, только ее исходная точка и практические задачи не те, что на Западе. Основания для этой разницы в революционных приемах при поверхностном взгляде могут показаться незаслуживающими особенного внимания, но мы думаем, что много «разочарований» было бы избегнуто, много напрасно затраченных сил получило бы должное приложение, если бы это различие в задачах русских и западноевропейских социалистов было выяснено раньше.

В чем же дело?

Задачи социально-революционной партии не могут быть тождественны в двух обществах, экономическая история, современные формы общественных отношений которых представляют очень резкую разницу. Если мы не хотим вернуться к метафизическому со-

циализму 30-х годов, мы должны признать, что максимум необходимых и возможных социальных реформ определяется формой землевладения и техникой земледелия, если речь идет о стране земледельческой, — формами и техникой промышленности, если говорим о стране, в которой преобладает обрабатывающая и добывающая промышленность.⁸ [...]

Желательные социалистам формы общественных отношений — коллективное владение землею и орудиями труда — еще не имеют практического приложения на Западе. В формах капиталистической продукции существует только намек на них. Поэтому задачи социально-революционной партии заключаются в обобщении этих элементов общественного обновления, возведении их в стройную систему и в пропаганде в массах.

[...] Россия — страна, в которой земледельческое население составляет громадное большинство. Промышленных рабочих в ней едва ли можно насчитать даже один миллион⁹, да и из этого сравнительно ничтожного числа большинство — земледельцы по симпатиям и положению. Преобладающая форма землевладения в России не только не нуждается в пропаганде, но составляет самую характерную черту в отношении нашего крестьянства к земле, она составляет для крестьянина завет всей его истории.

Коллективный труд не только служит у нас прецедентом коллективного владения, но, напротив, он сам может развиваться только из этого последнего. Генезис этих двух главных черт социалистической продукции, как видит читатель, будет у нас совершенно обратный. Мы говорим «будет», потому что теперь, по нашему мнению, еще не настало время пропаганды коллективного труда. А не настало оно потому, что при том первобытном способе земледелия, какой практикуется нашим крестьянством, коллективный труд не много изменил бы условия успешности труда. Там же, где успешность труда находится в большей зависимости от дружного, артельного ведения дела — во всевозможных промыслах, — такая пропаганда может и должна иметь успех. Но там мы и без того видим всестороннее проведение артельного принципа в отношении русского рабочего люда; если наши промышленные артели и клонятся к упадку, то главная причина этого заключается во вредном влиянии кулаков, существование которых так же необходимо в нынешнем государстве, как существование паразитов на теле нечистоплотного человека. Значит, главные усилия и здесь должны быть направлены на устранение развращающего влияния современного государства. А оно может быть устранено только окончательным разрушением государства и предоставлением нашему освобожденному крестьянству возможности устраиваться «на всей своей воле».

Короче сказать, одно из требований западноевропейского социализма, коллективизм владения, составляет у нас существующий факт; другое, коллективизм труда, не имеет под собою почвы в технике русского земледелия.

Таким образом, мы á ргіогі пришли к тем же практическим задачам, которые ставили себе титаны народно-революционной обороны: Болотников, Булавин, Разин, Пугачев и другие.

Мы пришли к «Земле и Воле». Но тем самым центр тяжести нашей деятельности переносится из сферы пропаганды лучших идеалов общественности на создание боевой народно-революционной организации, для осуществления народно-революционного переворота в возможно более близком будущем. [...]

ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДЕЛ ¹⁰

Глас народа — глас божий.

[...] Не прошло еще и двадцати лет после «великой реформы» нынешнего царствования, как народ, со свойственной массам черною неблагодарностью, начинает поговаривать о переделе земли и толкует об этом с тою же роковою уверенностью, которая один раз уже вынудила правительство к уступке ¹¹. Никто не может поручиться в том, что, если бы правительство уступило и на этот раз, народ не потребовал бы от него новых и новых уступок, пока, постоянно ограничивая и урезывая самого себя, государство не дошло бы, наконец, до полного самоотрицания; а так как это последнее никак уже не может входить в правительственные виды, то никто не может поручиться также и в том, что народ не будет вынужден удовлетворять своим потребностям путем того воздействия «снизу», тенет которого все правительства и все либералы в мире избегают так же старательно, как Мефистофель избегал креста.

Что касается до нас, революционеров-народников, то мы считаем такое воздействие неминуемым, так как вся внутренняя история России есть, по нашему мнению, не что иное, как длинное, полное трагизма повествование о борьбе на жизнь и смерть между полярно-противоположными принципами народно-общинного и государственно-индивидуалистического общежития. [...]

Свободное общинное самоуправление и самоуправление; предоставление всем членам общины сначала права свободного занятия земли, «куда топор, коса и соха ходит», потом, с увеличением народонаселения, равных земельных участков с единственною обязанностью участвовать в «общественных разметах и разрубках»; труд, как единственный источник права собственности на движимость; равное для всех право на участие в обсуждении общественных вопросов и свободное, реальными потребностями народа определяемое соединение общин в более крупные единицы, «земли», — вот те начала, те принципы общежития, которые так ревниво оберегал народ и которые, кратко формулируясь в боевом девизе «земля и воля», в минуты, когда чаша народного долготерпения оказывалась переполненной до краев, обладали магическим свойством волно-

вать умы массы от прикаспийской Астрахани до беломорского Соловецкого монастыря.

С самых ранних времен своего существования государство вступило в противоречие с этими принципами. [...]

До сих пор русское государство оставалось победителем в его борьбе с народом, но кто возьмется высчитать шансы этой борьбы в будущем? До сих пор торжество государства было полно и повсеместно. Оно сдавило народ железным кольцом своей организации; пользуясь ее преимуществами, оно с успехом подавляло не только мелкие и крупные народные движения, но и все проявления самостоятельной народной жизни и мысли; оно наложило свою тяжелую руку на казачество, исказило земельную общину, заставило народ заплатить за его исконное достояние — землю выкуп, превышающий стоимость самой земли. Но в то время, когда оно отпраздновало уже тысячелетний юбилей своего существования¹², когда оно, по видимому, уже нимало не сомневалось в окончательной гибели самобытной народной жизни, народ с полным спокойствием и ничем неразрушимою уверенностью заявляет, что далее так продолжаться не может, что сам царь поймет, наконец, эту невозможность и возьмет на себя почин перестройки общественных отношений в духе исконных народных идеалов. Ничто не могло так горько отравить торжества победителей, не могло нагляднее доказать, что влияние государственности было и остается до сих пор поверхностным, что оно не простирается на умы и воззрения массы, как этот замогильный голос заживо погребенного, но все еще полного сил и способности к самобытному развитию народа.

Вот почему правительство забило тревогу, и, вопреки всем прежним официальным уверениям относительно того, что русская социально-революционная партия есть не более, как «горсть злонамеренных личностей», не имеющих никакой почвы и влияния в народе, оно объявило, что ходящие в крестьянстве толки о переделе земли нужно целиком отнести на счет социалистической пропаганды. [...]

[...] Оно узнало, что народ не признает за высшими классами права собственности на землю, что он требует не только экспроприации земли у высших классов, но и установления совершенно иных, малопонятных с правительственной точки зрения, форм отношения к ней; оно узнало, словом, что народ ждет социальной революции, и, естественно, обвинило в том социалистов.

Читатель, сколько-нибудь знакомый с ходом возникновения партий вообще и русской социально-революционной в частности, не нуждается, конечно, в доказательствах того, что в данном случае следствие принято за причину. [...]

Наши воззрения на практические задачи нашей партии состоят из двух слагаемых — общих указаний науки и специальных условий русской истории и современной действительности. Мы признаем социализм последним словом науки о человеческом обществе и в силу этого считаем торжество коллективизма в области владения и труда альфой и омегой прогресса в экономическом строе

общества. Мы знаем, что выражение «природа не делает скачков»¹³ одинаково приложимо как в сфере явлений природы, в тесном смысле этого слова, так и в ходе развития человеческих обществ. Мы помним, что каждый шаг на пути этого развития строго определяется предшествующей историей общества и его состоянием в данный момент, — словом, всей суммой данных динамики и статики рассматриваемого общества. Но мы убеждены также и в том, что паллиативы не исцеляют социальных зол, что всякий общественный деятель должен стремиться провести в общество максимум необходимых и возможных реформ, что, выражаясь кратко, каждый общественный деятель должен быть *радикалом*. Так как экономические отношения в обществе признаются нами основанием всех остальных, коренную причину не только всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада его членов, то радикализм прежде всего должен стать, по нашему мнению, радикализмом экономическим. Усилия реформатора-радикала должны направляться главным образом на максимальное изменение к лучшему общественно-экономического строя, не справляясь о том, мирно или при насильственном сопротивлении со стороны лиц, заинтересованных в сохранении старого порядка, может совершиться это изменение.

Все эти положения суть не что иное, как выводы современной социологии, равно обязательные для всего человечества. Сознательно или бессознательно, следуя или противореча им на практике, с ними считались все реформаторы и революционеры, все общественные деятели — от Будды до К. Маркса, от «великого» Ликурга до «маленького» Тьера или ген[ерал]-губ[ернатора] Гурко¹⁴ включительно. Но едва мы захотим приложить эти положения к практической деятельности в нашем отечестве, едва вместо условий общественного развития вообще мы заговорим об условиях русского прогресса в частности, мы логикою тех же самых положений обращаемся в русских *революционеров-народников*. Только в формах русской народной жизни находим мы здесь задатки для развития полного коллективизма в отношениях производителей к орудиям труда, только отстаивая эти формы, мы можем найти незыблемую опору в крестьянской массе; в устранении враждебных влияний и расчистке пути для правильного развития этих форм заключается сумма возможных в настоящее время экономических и — стоящих к ним в отношении следствия к причине — политических реформ в России*.

Но для осуществления этого максимума реформ нам прежде всего нужно обратить свои усилия на разрушение ныне существующего в нашем отечестве государственного строя. Государству закреплена главная масса народного труда. Созданное им, путем экспроприации земли у народа, малоземелье образует тот контингент

* Более полно эти мысли были развиты нами в № 3 «Земли и воли» в статье «Закон экономического развития и задачи социализма в России», к которой мы и отсылаем читателя¹⁵ (прим. Г. В. Плеханова).

искусственно оторванных от родной хаты и нивы батраков, из которого набирают «рабочие руки» фабрики и заводы. Тяжелыми поборами оно заставляет крестьянина искать средства для удовлетворения требований государства на стороне, т. е. вынуждает отдавать себя в жертву хозяйской эксплуатации. Оно поддерживает кулачество и ростовщический капитализм в деревне и таким образом подбирается к формам народной жизни с самой опасной стороны. [...]

[...] Каждый год его существования стоит народу массы бедствий, несчастий и горя [...], оно деморализует народ, стараясь привить к нему формы чуждой ему жизни. Вот почему разрушение государственной организации должно составлять нашу первую задачу. А так как борьба с государством может совершаться только на почве «земли и воли», то мы, исходя из вышеизложенных общих положений социализма, приходим к необходимости агитации во имя тех же начал, за которые уже боролись Разин, Пугачев и др [угие], приходим к тому, что мы называем революционным народничеством. Так понимающий дело русский агроном, руководствуясь общими положениями агрономической науки, выросшей на почве иных условий народонаселения, сбыта, техники земледелия, утилизирует эти положения сообразно с русскими условиями выгодной эксплуатации почвы.

Вот почему мы называем нашу газету «Черный передел»¹⁶. В этих двух словах заключается решение крестьянского вопроса, от которого в свою очередь зависят все остальные. Конечно, решение это касается только экономической стороны упомянутого вопроса, но экономические отношения в обществе служат субстратом для всех остальных категорий человеческих отношений. Толкуя о «черном переделе», о «земле», народ забывает, по-видимому, о «воле», т. е. о той сумме общественных реформ, которая исторически связана с этим словом; даже более, народ наш, по-видимому, считает возможным примирить передел земли с существованием современного государства: он ждет этого передела от царя. [...]

Социально-революционная партия должна взять на себя заботу как о скорейшем разрушении этой фикции, так и об уяснении народу, проведении в его сознании всех необходимых следствий ожидаемого им аграрного переворота. Толкая народ в активную борьбу с государством, воспитывая в нем самодеятельность и активность, организуя его для борьбы, пользуясь каждым мелким случаем для возбуждения народного неудовольствия и для сообщения народу путем пропаганды словом и делом правильных воззрений на смысл ныне существующих и желательных в будущем социальных отношений, социально-революционная партия должна довести народ от пассивного ожидания «черного передела», долженствующего совершиться сверху, до активных требований «земли и воли», предъявляемых снизу. В этом заключается задача и возможные пределы ее воздействия на народ, только на этом пути ожидает нашу интеллигенцию славное историческое будущее, только на нем и встретит

она мост для перехода той громадной пропасти, которая отделяет интеллигенцию от народа чуть ли не со времени крещения Руси и проникновения в высшие классы чуждых народу, выработанных на истощенной почве разлагавшейся Византии воззрений и понятий.

Все другие пути действия, как бы ни казались они радикальны, как бы много ни сулили они народу, будут ретроградны по своему существу, потому что все они предполагают не только сохранение государства, но и действие с его помощью. Как бы ни приспособилось государство к народным потребностям и интересам, оно всегда во столько же раз меньше даст народу, во сколько сохранение человеческого принцип, лежащий в основе современного индивидуализма, ниже принципа коллективизма, мирской помощи и солидарности, на которых всегда строилась и стремилась построиться народная жизнь. В этом смысле мы и говорили, что голос народа, требующего аграрной революции, есть как бы голос божий, указывающий нашей интеллигенции ее истинное, провиденциальное назначение.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Настоящая статья была впервые напечатана в № 3 и 4 «Земли и воли» (от 15 января и 20 февраля 1879 г.). Первая часть ее посвящена теоретическому обоснованию задач социализма в России и практическим целям революционной организации, вторая — той роли, которая должна принадлежать в ней городским рабочим. Статья не окончена. Продолжения не появилось. Отрывки из первой части печатаются по изданию: *Плеханов Г. В. Сочинения*. М.— Пг., 1923, т. 1, с. 59—63, 64—66.

² В начале статьи, выступая против тех социалистов, которые думают «творить социальные перевороты» по воле отдельных личностей (вопреки воле народа), путем ли заговора или с помощью «метафизической сущности» пропаганды, Плеханов отмечает, что «они не отводили надлежащего места законам общественного развития», на которые обратили внимание лишь социалисты «позитивного периода», «блестящую плеяду представителей» которого составляют «Родбертус, Энгельс, Карл Маркс, Дюринг». «У автора «Капитала» социализм является сам собою из хода экономического развития западноевропейских обществ», — пишет далее Плеханов и выступает против тех, которые, подобно либералам, делают из этого фаталистические выводы по отношению к развитию России по социалистическому пути, поскольку в России еще нет капитализма. «Социалистам же... — заявляет он в заключение, — класть мужика под усовершенствованный пресс капиталистического производства — вовсе не к лицу».

³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 23, с. 10.

⁴ Цитируется книга Д. У. Дрейпера «История умственного развития Европы» (1862).

⁵ Говоря о «капиталистической продукции», равно как далее об «общественной кооперации», Плеханов использовал терминологию популяризатора марксизма в русской печати 70-х годов Н. И. Зиберера. Термин Зиберера «капиталистическая продукция» можно понимать и как «капиталистическое производство», и как «капиталистическая стадия развития общества», и как «капитализм» вообще.

⁶ См. выше, прим. 3.

⁷ Имеется в виду следующее место в «Капитале» К. Маркса (т. I, гл. XXIII, § 3): «...всякому исторически особенному способу производства в действительности свойственны свои особенные, имеющие исторический характер законы народонаселения. Абстрактный закон населения существует только для растений и животных, пока в эту область исторически не вторгается человек» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*

т. 23, с. 646). При этом ни Мальтус, ни его книга у Маркса не упоминаются. Вероятно, Плеханов заимствовал это противопоставление из работ Н. И. Зибера, в которых оно часто встречается.

⁸ В опущенном тексте Плеханов иллюстрировал примерами ту мысль, что «...те или другие формы общественных отношений устанавливаются не «общественным договором» (по теории Гоббса и Руссо.— *Б. Ш.*), а экономической необходимостью; роковая ошибка социалистов 30-х годов,— пишет Плеханов,— заключалась не в планах их, рассматриваемых безотносительно, а в том, что эти реформаторские планы совершенно игнорировали формы современной им кооперации».

⁹ Здесь опущено примечание, в котором Плеханов приводит статистические данные о процентном соотношении земледельческих, торговых и промышленных классов в Англии, Пруссии и Франции сравнительно с Россией.

¹⁰ Статья была опубликована в № 1 газеты «Черный передел» (январь 1880) как программная и для одноименной организации. Отрывки из нее печатаются по *РН*, т. 2, с. 137, 138—139, 140, 141—144.

¹¹ То есть к этой самой «великой реформе» 1861 г.— отмене крепостного права «сверху».

¹² Тысячелетие России отмечалось в 1862 г.

¹³ Это выражение употреблялось Г. Лейбницем и К. Линнеем, к которым обычно его и относят, но мысль впервые была высказана еще Аристотелем.

¹⁴ Во время написания Плехановым статьи И. В. Гурко был (с 1879 г.) временным петербургским генерал-губернатором. Среди землевольцев и народовольцев обсуждался вопрос об убийстве Гурко, однако решения принято не было.

¹⁵ См. наст. изд., с. 513—517.

¹⁶ Вышло пять номеров газеты. Первые два печатались в Женеве, остальные — в подпольной типографии чернопередельцев в Минске.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ	5	АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ ХАНЫКОВ	
ПРОЛОГ	76		
ВИССАРИОН ГРИГОРЬЕВИЧ БЕЛИНСКИЙ		Биографическая справка	203
Биографическая справка	92	Библиография	205
Библиография	94	Тексты	206
Тексты	95	Примечания	209
Примечания	109		
АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ГЕРЦЕН		ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ АХШАРУМОВ	
Биографическая справка	112	Биографическая справка	211
Библиография	114	Библиография	214
Тексты	116	Тексты	215
Примечания	161	Примечания	217
МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ БУТАШЕВИЧ-ПЕТРАШЕВСКИЙ И ПЕТРАШЕВЦЫ		МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ФОНВИЗИН	
Биографическая справка	167	Биографическая справка	218
Библиография	169	Библиография	220
Тексты	170	Тексты	221
Примечания	183	Примечания	223
ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ МИЛЮТИН		НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧ ОГАРЕВ	
Биографическая справка	185	Биографическая справка	224
Библиография	187	Библиография	226
Тексты	188	Тексты	227
Примечания	202	Примечания	237

**НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧ
ЧЕРНЫШЕВСКИЙ**

Биографическая справка	239
Библиография	242
Тексты	244
Примечания	283

**НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
ДОБРЮЛОВ**

Биографическая справка	286
Библиография	287
Тексты	288
Примечания	295

**МИХАИЛ ЛАРИОНОВИЧ
(ИЛЛАРИОНОВИЧ) МИХАЙЛОВ**

Биографическая справка	296
Библиография	299
Тексты	300
Примечания	308

**НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
ШЕЛГУНОВ**

Биографическая справка	310
Библиография	312
Тексты	313
Примечания	324

**ПЕТР ГРИГОРЬЕВИЧ
ЗАИЧНЕВСКИЙ**

Биографическая справка	326
Библиография	328
Тексты	329
Примечания	334

**ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ
ПИСАРЕВ**

Биографическая справка	335
Библиография	337
Тексты	338
Примечания	351

**НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
СОКОЛОВ**

Биографическая справка	352
Библиография	354
Тексты	356
Примечания	363

**ПЕТР НИКИТИЧ
ТКАЧЕВ**

Биографическая справка	366
Библиография	368
Тексты	369
Примечания	390

**МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
БАКУНИН**

Биографическая справка	392
Библиография	394
Тексты	396
Примечания	413

ПЕТР ЛАВРОВИЧ ЛАВРОВ

Биографическая справка	415
Библиография	418
Тексты	419
Примечания	443

**ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
(ВИЛЬГЕЛЬМ ВИЛЬГЕЛЬМОВИЧ)
БЕРВИ-ФЛЕРОВСКИЙ**

Биографическая справка	446
Библиография	448
Тексты	449
Примечания	462

**НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ
МИХАЙЛОВСКИЙ**

Биографическая справка	464
Библиография	466
Тексты	467
Примечания	480

**ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ
КРОПОТКИН**

Биографическая справка	482
Библиография	485
Тексты	486
Примечания	493

**СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ**

Биографическая справка	404
Библиография	497
Тексты	499
Примечания	508

**ГЕОРГИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ
ПЛЕХАНОВ**

Биографическая справка	510
Библиография	512
Тексты	513
Примечания	521

**АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ
ЖЕЛЯБОВ**

Биографическая справка	523
Библиография	526
Тексты	527
Примечание	533

**НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
КИБАЛЬЧИЧ**

Биографическая справка	534
Библиография	536
Тексты	537
Примечания	541

ЭПИЛОГ 543

Вводная статья	543
Библиография	545
Тексты	546
Примечания	554

ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ 556

**СПИСОК УСЛОВНЫХ
ОБОЗНАЧЕНИЙ 562**

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 564

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ 578

Вс 86-1062/1